

убийств, совершаемых в продолжение сотни лет одиночными людьми под влиянием страстей".*)

Таким образом из этих выдержек с несомненностью видно, что война для Толстого стоит на одной доске с преступлением. И это понятно, потому что война стоит в безусловном вопиющем противоречии с сознанием современного человека, с тем христианским жизнепониманием, которого, по мнению Толстого, достигло в настоящее время человечество.

"Мы все — христианские народы", читаем мы в том же сочинении: "живущие одной духовной жизнью, так что всякая добрая, плодотворная мысль, возникающая на одном конце мира, тотчас же сообщаясь всему христианскому человечеству, вызывает одинаковые чувства радости и гордости независимо от национальности; мы, любящие не только мыслителей, благодетелей, певцов, ученых чужих народов, мы, гордящиеся подвигом Дамиана, как своим собственным, мы, просто любящие людей чужих национальностей: французов, немцев, американцев, англичан, мы, не только уважающие их качества, но радующиеся, когда встречаемся с ними, радостно улыбающиеся им, не могущие не только считать подвигом войну с этими людьми, но не могущие без ужаса подумать о том, чтобы между этими людьми и нами могло возникнуть такое разногласие, которое должно бы было быть разрешено взаимным убийством, — мы все призваны к участию в убийстве, которое неизбежно не нынче, так завтра должно совершиться.

Ведь хорошо было еврею, греку, римлянину не только отстаивать независимость своего народа убийством, но и убийством же подчинять себе другие народы, когда он твердо верил тому, что его народ один

*) „Царство Божие внутри вас" — стр. 313.